

Ренан Эрнест

**Собрание сочинений Эрнеста
Ренана**

Том 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Э81

Э81 **Эрнест Р.**
Собрание сочинений Эрнеста Ренана: Том 7 / Ренан Эрнест – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 578 с.

ISBN 978-5-519-80579-7

ISBN 978-5-519-80579-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

къ такому изложенію, гдѣ ничего не утверждается, все наводится, основывается, противопологается, отбѣняется. Нечего больше совершенствовать правила силлогизма, укрѣплять доказательства безсмертія души. Въ настоящее время человѣкъ ясно видитъ, что никогда ничего не будетъ знать ни о высшей причинѣ вселенной, ни о своей собственной судьбѣ. Однако, онъ хочетъ, чтобы ему говорили обо всемъ этомъ. Драматическое дѣйствіе гораздо лучше абстрактныхъ разсужденій выдвигаетъ эти сомнѣнія, эти проблески, эти смѣлыя попытки, смѣняемыя колебаніями, эти закоулки мысли. Авторъ книги Гова понялъ это за 700 или 800 лѣтъ до Р. Х. Современная философія также найдетъ свое послѣднее выраженіе въ драмѣ или даже въ оперѣ; вѣдь музыка и иллюзіи лирической сцены могутъ удивительно продолжать мысль, когда недостаточно словъ для ея выраженія.

Такимъ образомъ понятно, что въ аристократическомъ обществѣ, гдѣ публику составляли-бы интеллигентные люди, возможенъ философскій театръ; онъ былъ-бы однимъ изъ самыхъ могущественныхъ орудій идеи и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ высшей культуры. Очевидно, такой театръ не имѣлъ бы ничего общаго съ современнымъ театромъ, замѣняющимъ кафе-концертъ, гдѣ иностранецъ, провинціалъ, буржуа стараются только пріятно провести вечеръ; не нужно, чтобы исчезло это честное развлеченіе; нужно только, чтобы къ нему кое-что прибавилось. Въ литературѣ рядомъ съ книгами, назначенными для библиотекъ, есть книги, успѣхъ которыхъ можетъ оцѣнить только нѣсколько сотенъ знатоковъ. Но въ театрѣ нѣтъ эквивалента аристократической книги. Необходимость привлекать каждый вечеръ двѣнадцать, пятнадцать сотенъ слушателей, жаждущихъ развлечения, ставить театръ въ положеніе, подобное тому, въ какомъ очутился-бы издатель, не имѣя возможности издавать книгу, рассчитывающую на мѣнѣе, чѣмъ десять тысячъ читателей. Итакъ, одно изъ самыхъ выразительныхъ искусствъ запрещено высшей мысли. Въ этомъ отношеніи Викторъ Гюго всегда находился въ состояніи кризиса. Онъ чувствовалъ превосходство драмы, ея несравненное могущество, и его геній отказывался подчиниться ея скуднымъ требованіямъ. Этого корсетъ мучилъ его, когда онъ совершенно отбрасывалъ его. Отсюда его *Théâtre en liberté...*

21-го марта 1888 года.

КАЛИБАНЪ.

Продолженіе „Бури“.

(1878).

Нѣсколько словъ къ читателю.

Просперо—герцогъ Милана, неизвѣстный ни одному изъ историковъ; Калибанъ—безобразное существо, почти безформенное, только становящееся человѣкомъ; Аріель—сынъ воздуха, символъ идеализма. Вотъ три самыя глубокія созданія Шекспира. Я хотѣлъ показать эти три типа дѣйствующими въ условіяхъ, приспособленныхъ къ идеямъ нашего времени. Я предполагаю, что послѣ бури Просперо, силою своего магическаго искусства побѣдившій всѣхъ своихъ враговъ, возстановился на своемъ миланскомъ тронѣ. вмѣстѣ съ нимъ я переношу туда Аріеля—его воздушнаго генія, Калибана—его всегда мятежнаго раба, Гонзало—его стараго совѣтника, Тринкуло—его шута. Шекспиръ былъ историкомъ вѣчности. Онъ не рисовалъ никакой опредѣленной страны, никакого вѣка въ частности; онъ изображалъ исторію человѣчества. Въ этихъ великихъ битвахъ чистой идеи забота о мѣстной окраскѣ и точномъ воспроизведеніи обычаевъ, нравовъ была на второмъ мѣстѣ. Я слѣдовалъ тому же закону. Прежде чѣмъ упрекать меня въ анахронизмахъ, прошу указать мнѣ, въ какомъ вѣкѣ жилъ Просперо.

Пусть дорогой читатель видитъ въ послѣдующей драмѣ развлеченіе идеолога, а не теорію, фантазію воображенія, а не политическій трактатъ. Я писалъ эту драму нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ Ишіи, по утрамъ, когда виноградники были покрыты росой, а море походило на бѣлую ткань. Философія такихъ часовъ отдыха—это философія кузнечиковъ и жаворонковъ, которые никогда не сомнѣвались, что свѣтъ солнца пріятенъ, что жизнь—предестинный даръ, а земля живущихъ—восхитительное пребываніе.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Просперо, законный герцогъ Милана, возстановленный въ своей власти.

Аріель, духъ воздуха, то видимый, то невидимый (эту роль играетъ женщина).

Калибанъ, грубый и безобразный рабъ.

Гонзало, старый честный совѣтникъ.

Роландъ,	}	знать Милана.
Эрколь,		
Гриффонетто,		
Ружьеро,		
Ринальдо,	}	граждане Милана.
Бальдуччи,		
Бевилаква,	}	
Бонакорсо,		

Имперія, придворная.

Цителла, молодая дѣвушка веселаго характера.

Симпликонъ, школьный учитель.

Ліонардо, миланскій ученый.

Гіацинтъ,	}	артисты.
Анжіоліно,		
Жакоміно,		

Гаспаронъ, ярмарочный Геркулесъ.

Вагнеръ, нѣмецкій ученый.

Братъ Августинъ де-Ферраре, доминиканецъ-инквизиторъ.

Папскій легатъ.

Монахъ-картезіанецъ.

Тринкуло, шутъ.

Буттадео, вѣчный жидъ.

Клеркъ.

Слуга.

Народъ, стража, придворные и т. д.

Дѣйствіе происходитъ отчасти въ Миланѣ, отчасти въ монастырѣ картезіанцевъ, въ Павіи.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Дѣйствіе происходитъ въ картезіанскомъ монастырѣ въ Павіи, гдѣ Просперо занимаетъ отдѣльное зданіе для своихъ занятій и опытовъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Погребъ, дверь котораго выходитъ на дворъ.

Калибанъ, затѣмъ Аріель.

Калибанъ (*пьяный, распростертый на земль, валяется въ лужѣ вина, вытекшаго изъ бочки, которую онъ открылъ и забылъ закрыть*). Тысяча проклятій! О, животное, лжеецъ, лѣнтяй! Вѣрте послѣ этого слову принцевъ! Я упустилъ прекрасный случай на восхитительномъ островѣ, когда совершилъ невѣроятную глупость, принявъ пьяницу Стефано за бога и почитая этого шута. Мы должны были вбить гвоздь въ голову моего господина. О, это было такъ хорошо задумано! Но благодаря этому нелѣпому скрипачу, который меня всюду сопровождаетъ, Просперо узналъ все. И я дождался одного изъ тѣхъ наказаній, которыя заставили меня краснѣть. Ну, хорошо! Я обѣщалъ ему быть умнымъ, и онъ имѣлъ глупость повѣрить. На слѣдующій день мы покинули островъ и пришли въ эту равнину, которая такъ же похожа на мѣсто нашего перваго жительства, какъ нога косули на кость, обглоданную десятью собаками. Я сталь не нуженъ; здѣсь уже нѣтъ необходимости искать источниковъ у подножья скалъ, собирать плоды на деревьяхъ, вынимать изъ гнѣздъ молодыхъ птенцовъ. Мнѣ обѣщали свободу, но я еще жду ее.

Но я имѣю право на эту свободу! Прежде я не думалъ о ней; но здѣсь, въ этой ломбардской равнинѣ, мои мысли очень развились. Права человѣка абсолютны. Какъ можетъ Просперо препятствовать мнѣ принадлежать самому себѣ? Моя человѣческая гордость возмущается. Правда, я напиваюсь до-пьяна виномъ изъ этого погреба. Но развѣ первое преступленіе правителей не въ томъ, что они принижаютъ народъ своими благодѣяніями? Чтобы изгладить этотъ стыдъ, есть только одно средство: убивать ихъ. Подобное оскорбленіе смывается только кровью. Да, наконецъ, по отношенію ко мнѣ Просперо былъ узурпаторомъ: онъ укралъ у меня мой островъ; я былъ его законнымъ властителемъ. Островъ принадлежалъ мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ его оста-

вила мнѣ моя мать Сикораксъ, убираясь ко всѣмъ чертямъ. Я приспособилъ его къ своимъ потребностямъ, жилъ на немъ, пока не присталъ туда этотъ негодный волшебникъ со своимъ воздушнымъ слугой. Я первый занялъ его. Просперо былъ завоевателемъ, узурпаторомъ. (*Раздается небесная, полная нѣжности музыка, возвыщающая приближеніе Аріеля*). Постоянно эта вѣчная противная музыка! Смердный скотъ, мошенникъ, красное животное! О, если-бъ я могъ задержать тебя и разорвать на куски! (*Калибанъ корчится въ ужасныхъ судорогахъ*). Миръ, по крайней мѣрѣ, миръ! Пощади меня отъ твоей бѣшеной музыки, которая производитъ на меня дѣйствіе морской болѣзни. Иди, поищи кошекъ, чтобы ласкать ихъ, глядя противъ шерсти.

Аріель (*видимый. — Нѣжная длительная трель*). Почему ты возмущаешься? Гдѣ тебѣ можетъ быть лучше, чѣмъ здѣсь? Погребъ открытъ, и ты знаешь къ нему дорогу. Свободный, ты былъ бы менѣе счастливъ.

Калибанъ. Да, но меня эксплуатируютъ. Низкій рабъ! развѣ ты не видишь, что быть эксплуатируемымъ другимъ человекомъ—самая невыносимая вещь? У тебя совсѣмъ развѣ нѣтъ чести? Смертный не имѣетъ права подчинять себѣ другого. Въ подобныхъ случаяхъ возмущеніе—священнѣйшая изъ обязанностей.

Аріель. Ты забываешь, что, благодаря Просперо, ты сталъ человекомъ, существуешь.

Калибанъ. Прекрасно! Островъ принадлежалъ мнѣ; я былъ тамъ до него; онъ былъ переданъ мнѣ Сикораксъ, моею матерью. Я показалъ Просперо обрабатываемыя поля, источники, хорошія деревья, а взамѣнъ онъ далъ мнѣ только рабство...

Аріель. Ты постоянно повторяешь, что островъ принадлежалъ тебѣ. Онъ принадлежалъ тебѣ такъ же, какъ пустыня принадлежитъ газели, какъ ягненокъ принадлежитъ тигру. Ты не зналъ имени ни одной вещи; ты не зналъ даже, что такое разумъ. Твоя нечленораздѣльная рѣчь напоминала мычаніе верблюда, когда онъ бываетъ въ дурномъ настроеніи духа. Звуки, сдаваемые въ твоей гортани, походили на бесплодное усиліе изрыгнуть пищу. Просперо научилъ тебя языку арійцевъ. Съ этимъ божественнымъ языкомъ въ тебя вошло неотдѣлимое отъ него количество разума. Мало-по-малу, благодаря языку и разуму, твои безобразныя черты приняли нѣкоторую гармонію; твои пальцы съ перепонками отдѣлились другъ отъ друга; изъ безобразной рыбы ты сталъ человекомъ, и теперь ты говоришь почти какъ сынъ арійцевъ.

Калибанъ. О, замолчи, наконецъ! Я отлично обходился безъ языка. Какъ Просперо не предвидѣлъ, что языкомъ, который онъ мнѣ далъ, я буду проклинать его? Просперо дуракъ! Каждый для себя... Онъ научилъ меня всему, говоришь ты? Онъ былъ неправъ. На его мѣстѣ я не сдѣлалъ бы этого. Чѣмъ же я ему обязанъ? Я ничего не просилъ у него...

Аріель. Это ужасно, что ты говоришь! Тогда болѣе воспитанный не долженъ стараться воспитывать другихъ?

Калибанъ. Если-бы я былъ правителемъ, я остерегался-бы дѣлать это. Напримѣръ, подумать только, что тотъ, личность котораго развиваютъ, не захочетъ существовать въ свою очередь!... Всякое существо неблагодарно! Всякое усиліе, чтобы воспитать другое лицо, обращается противъ воспитателя. Каждый дѣйствуетъ сообразно своимъ силамъ. У крокодила большой ротъ не для того, чтобы имъ не пользоваться. Проклинать—это свойственно моей природѣ. Я не могу удержаться отъ того, чтобы не клеветать и поносить. Дать мнѣ языкъ—значитъ вооружить меня для этого. Изъ языка арійцевъ я воспринялъ только ругательства и проклятія! Это сильнѣе меня!.. я не могу удержаться отъ проклятій.

Аріель. Ты хотѣлъ также оскорбить Мпранду.

Калибанъ. Въ концѣ концовъ мы населили-бы островъ. Люди стоятъ другъ друга. Бя отецъ долженъ былъ заплатить мнѣ. Я колюмъ ему дрова, разводилъ огонь, носилъ воду... безъ меня онъ не зналъ-бы ни полей, ни деревьевъ!..

Аріель. Ты скандализируешь меня и раздражаешь, поскольку я могу раздражаться. Я не могу тебя опровергать, такъ какъ это не мое дѣло. Что касается меня, то я служу идеѣ, наслаждаясь счастьемъ. Послѣ гибели корабля у заколдованнаго острова мой господинъ обѣщалъ мнѣ свободу. „Возвратись къ элементамъ, сказалъ онъ мнѣ:—будь свободенъ и счастливъ“. День изо дня я думалъ, что онъ меня отпустить... И каждый день съ тѣхъ поръ онъ называетъ меня своей маленькой птичкой, милымъ Аріелемъ, и я остаюсь, не напоминая ему о его обѣщаніи. Здѣсь такъ хорошо!..

Калибанъ. О, это мнѣ все равно!

Аріель. Здѣсь гораздо лучше, чѣмъ было на островѣ.

Калибанъ. Да, тамъ было восхитительно. Судороги, страшныя корчи, змѣи, ѣжи подъ ногами, пилы, колючки, иглы, щипцы, которые васъ ущемляли, мучили, и, наконецъ, постоянная гѣна огненная! И потомъ,—что здѣсь было нехорошаго, Аріель? Да, ты не чувствуешь этого! Ты набоженъ, покорень... ты принимаешь твое мѣсто, какъ заранѣе приготовленное. Просперо управляетъ нами, принимая различныя образы. Онъ обманывалъ насъ, а ничего нѣтъ унижительно, какъ быть обманутымъ. О, какъ были ужасны эти чертенята, завлекавшіе меня въ ямы, эти маленькія обезьяны, дразнившіе меня своими гримасами, эти бѣшенныя кошки, кусавшія мнѣ ноги, и все это была неправда. О, мошенникъ! я никогда не прощу тебѣ этой несправедливости! Когда народъ увидить, что высшіе классы управляли имъ съ помощью суевѣрія, ты увидишь, какую жизнь создастъ онъ своимъ прежнимъ господамъ. Никогда и не было ада, которымъ насъ пугаютъ. Чудовища, создавшія престижъ Просперо, были вымышлены, но они мучили меня, какъ будто существовали на самомъ дѣлѣ. Престижъ! Подождите немного: вы увидите, что скоро его не будетъ!

Аріель. Ты служилъ изъ страха, я служу изъ любви. То, что онъ ищетъ, такъ прекрасно, что я счастливъ, помогая ему своимъ повиновеніемъ. Да, я поклоняюсь ему! Онъ—не Богъ, но работаетъ для Бога. По его мнѣнію, Богъ—разумъ, и нужно тру-

диться, чтобы Богъ, т. е. разумъ, все болѣе и болѣе управлялъ міромъ. Онъ ищетъ средствъ, чтобы разумъ былъ вооруженъ и дѣйствительно управлять міромъ.

Калибанъ. Пустяки! Сетевосъ, богъ моей матери, стоялъ гораздо выше этого неосвязаемаго Бога, о которомъ ты мнѣ постоянно говоришь. Сетевосъ выказывалъ свое могущество видимыми дѣйствіями. Каждое утро его пещера была переполнена недавно срѣзанными головами, шеями, перерѣзанными ножомъ. А Богъ христіанъ—это Богъ слабыхъ и женщинъ. О, слабые увидать, какъ я съ ними буду обходиться! А женщины! У Сетевоса въ рукѣ топоръ, но онъ вѣжливый богъ. О, плутъ Просперо! ты увидишь, позволено ли поработать такъ сыновъ земли.

Аріель. Прощай! Между мной и тобой не можетъ быть обмѣна идей. Оставайся здѣсь, какъ сѣвшій на мель китъ, какъ тяжело дышащая морская свинья... А я возвращусь въ воздухъ и буду ожидать приказаній генія, сдѣлавшаго мнѣ честь взять меня въ исполнители своей воли. *(Аріель улетаетъ, при чемъ раздается нѣсколько гармоничныхъ аккордовъ).*

Калибанъ. О, адъ! Мои кости трещать, нервы кричать, а мускулы дергаются, какъ струны настраиваемой скрипки... Мои жилы, растягиваемыя маленькими рычагами, порвутся. Мое колѣно пронзено гвоздями, а я долженъ ходить. Потомъ этотъ адскій смычекъ играетъ на всемъ. Спасибо, спасибо, Просперо! Я послужу тебѣ!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Просперо, Аріель, потомъ стражъ.

Въ кабинетъ Просперо.—Горны, кубы, реторты, воздушные колокола, погруженные въ ванны съ ртутью; подъ ними слышенъ слабый трескъ.

Просперо. Итакъ, Аріель, ты все хочешь быть мнѣ вѣрнымъ. Двадцать разъ говорилъ я тебѣ: „ты свободенъ, Аріель!“ Я тебя все удерживаю.

Аріель *(видимый)*. Какъ вамъ угодно, господинъ! Что дѣлать мнѣ со своей свободой, если не поглотиться элементами, изъ которыхъ вы извлекли меня? Благодаря вамъ я существую. Я люблю васъ и все, что вы сдѣлали. *(Дрожаніе духовъ подъ колоколами производитъ еле слышимый аккордъ).*

Просперо. Я самъ не знаю, что я дѣлаю, милый другъ. Но я увѣренъ, что являюсь орудіемъ ищущей воли. Природа не познаетъ себя. Развѣ ты, напримѣръ, маленькая голубая птичка, чувствовалъ себя, пока я не извлекъ тебя изъ великой универсальной смѣси, въ которой ты былъ затерянъ, призвавъ, сконцентрировавъ, сгруппировавъ въ прозрачное ядро то, что раньше было разсѣяно? Въ морѣ есть соль; дѣло въ томъ чтобы извлечь ее. Въ воздухѣ есть жизнь, и листъ дерева умѣетъ извлекать ее; послѣдуемъ его примѣру. Анализъ и синтезъ—вотъ наука. Быть господиномъ духовъ природы и дать имъ ясную индивидуальность—вотъ чего я хочу!

Аріель. Слѣдовательно, духи — затерянные въ природѣ силы, существа, замѣтные въ чистомъ состояніи только тогда, когда ихъ извлекаетъ наука?

Просперо. Совершенно вѣрно! Все это желаетъ существовать, но не существуетъ. Это то, что нѣкоторые изъ моихъ собратьевъ называютъ газомъ. Каждый изъ колоколовъ, которые ты видишь, — тюрьма для газа. Такъ какъ почти всѣ они стремятся вверхъ, то маленькій сводъ этихъ колоколовъ для нихъ тюрьма. Одинъ происходитъ изъ воды, однако, со временемъ дастъ свѣтъ; другой представляетъ сущность жизни и огня. *(Слышенъ аккордъ, происходящій отъ колебанія газовъ).*

Аріель. О, божественные звуки, братья моихъ звуковъ! Какое счастье служить столь возвышеннымъ существамъ! Несомнѣнно, ты разговариваешь съ какимъ нибудь изъ нихъ, являющимся твоимъ богомъ, какъ ты мой богъ!

Просперо. Нѣтъ, Аріель. Вѣчный Богъ не обнаруживается лицомъ къ лицу. Онъ не обнаруживается матеріально, и сомнительны рассказы о его матеріализаціи. Онъ — гений чловѣка геніальнаго, добродѣтель чловѣка добродѣтельнаго, доброта нѣжной души, универсальное стремленіе къ все болѣе широкому бытію. Истинное опредѣленіе его — любовь. Благодаря ей, все приносить плоды, всякій міръ извлекаетъ изъ своего лона все, что можетъ изъ него выйти. Онъ будетъ исполнѣнъ осуществленъ, когда наука увѣнчаетъ корону монарха и будетъ править безъ соперниковъ. Тогда разумъ возвратитъ міру его утерянную кратоту и совершенство. О! какъ прелестна программа властителей того времени:

A Paestum, semer des roses,
Planter de cèdres de Liban.

(Входитъ стражъ).

Стражъ. Вашему высочеству извѣстно, несомнѣнно, что въ миланскомъ дворцѣ все готово для вечерняго праздника. Солнце уже у горизонта, а отсюда три часа ходьбы до Милана.

(Аріель исчезаетъ, Просперо уходитъ).

А К Т Ъ В Т О Р О Й.

Садъ миланскаго дворца.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Калибанъ, скрытый; Гонзало, Роландъ, Эрколь, Гриффонетто, Ружьеро, Ринальдо, Вальдуччи, Бевилаква, Вагнеръ, Симпликонъ, Ліонардо, Имперія, Цителла, Анжіолино. Жакомино, Буттадео, молодые люди, господа, музыканты, послы, граждане Милана, придворные.

Дворецъ блестяще освѣщенъ. У перрона великаны, выдѣляющіеся въ свѣтъ своимъ чернымъ цвѣтомъ. Большія открытыя окна, черезъ которыя видны люстры внутри. Длинныя галлерей, окруженныя по краямъ экзотическими деревьями. Группы музыкантовъ подъ деревьями. Компаніи гуляющихъ проходятъ взадъ и впередъ. Нѣсколько придворныхъ въ центрѣ группъ зрителей. Граждане Милана прогуливаются въ болѣе простыхъ костюмахъ.—Роландъ и Эрколь проходятъ, держась за руки.

Роландъ. Говорю вамъ,—герцога губить себя, а съ собой и насъ.

Эрколь. Вотъ уже четыре или пять тысячъ лѣтъ, а, можетъ быть, и гораздо больше, какъ говорить, что міръ на пути къ гибели; однако, онъ идетъ все время своимъ путемъ. Все здѣсь падаетъ и поднимается; колесо фортуны вертится безпрестанно.

Роландъ. Да, но сколько людей ломаетъ себѣ шею! Герцогъ—ученый, философъ; эти люди должны оставаться въ своихъ чуланахъ. Боюсь, что мы увидимъ революцію презрѣнныхъ.

Эрколь. А! недурно! Дѣйствительно, люди уважаютъ только того, кто ихъ убиваетъ. Когда случай даетъ имъ во властители мудреца, они говорятъ: „Фи, какой стыдъ!“ (*Проходятъ.—На сцену появляются Гриффонетто, Ружьеро и нѣсколько другихъ*).

Гриффонетто. Люди увидятъ, какъ изъ грязи выйдутъ чудовища, неизвѣстныя до сихъ поръ.

Ружьеро. Я не вѣрю въ чудовища. Я никогда ихъ не видѣлъ.